

«Паспортизация» еврейского населения в Западной Белоруссии (1940–1941 гг.)

Янина Валерьевна Карпенкина

(Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Россия)

Стажер-исследователь, ORCID ID: 0000-0002-9906-4340,
Международного центра истории и социологии Второй
мировой войны и ее последствий, преподаватель Школы
культурологии Факультета гуманитарных наук НИУ ВШЭ:
Москва, 105066, Старая Басманная ул., д. 21/4, стр. 3, каб. Л-415,
тел. +7 (495) 772-95-90, E-mail: ykarpenkina@hse.ru

DOI: 10.31168/2658-3380.2018.18.3.6

Аннотация: В настоящей статье анализируется «паспортизация» местного, прежде всего еврейского, населения присоединенных к СССР польских территорий (на примере Западной Белоруссии) в 1940–1941 гг. Автор рассматривает это преобразование не только как меру по унификации Западной Белоруссии с остальными советскими областями, но и как важный метод контроля миграции, а также «чистки» социального облика «новых» приграничных городов. В центре внимания — еврейское население, которое особенно пострадало в ходе реализации «паспортизации», поскольку евреи подходили сразу к нескольким пунктам секретной инструкции о выдаче паспортов «с ограничением» и о запрете проживания в приграничных городах.

Ключевые слова: *«паспортизация», Западная Белоруссия, Восточная Польша, еврейское население, беженцы*

* Архивные материалы, использованные в этой статье, собраны благодаря программе Центра "Сэфер" по поддержке исследований в области иудаики (грант Genesis Philanthropy Group).

* Статья подготовлена в ходе работы в рамках Программы фундаментальных исследований Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ) и с использованием средств субсидии в рамках государственной поддержки ведущих университетов Российской Федерации "5-100".

17 сентября 1939 г. советские войска в соответствии с соглашениями секретного пакта советско-германского договора «О ненападении» вступили на территорию Восточной Польши. В считанные дни Польская Республика оказалась разделена между Германией и СССР, что было зафиксировано 28 сентября 1939 г. германо-советским договором «О дружбе и границе». Таким образом Восточная Польша стала частью СССР. Буквально сразу же эта территория была разделена на Западную Белоруссию и Западную Украину, которые в ноябре 1939 г. были официально присоединены к БССР и УССР.

Население Восточной Польши являлось мультикультурным: на этих землях издавна проживали украинцы, белорусы, поляки, евреи, русские, литовцы, татары, цыгане. Польское еврейство отнюдь не было малочисленным — по разным подсчетам евреи составляли от 8 до 10% местного населения [Levin 1995, 18; Bauer 2009, 33]. Таким образом, после раздела Польши Советский Союз вместе с «освобожденными от панского ига» белорусами и украинцами приобрел значительное количество евреев. Вдобавок к этому, в 1939–1941 гг. местное население пополнилось беженцами из оккупированных Германией польских территорий, причем среди беженцев абсолютное большинство составляли евреи¹.

Для всех жителей присоединенного к СССР региона период с 17 сентября 1939 г. до 22 июня 1941 г. ознаменовал собой не только начало Второй мировой войны, но и первую встречу с советским политическим режимом. Советская власть стремилась в ускоренном темпе провести на польских территориях экономические, социальные и культурные реформы, направленные на скорейшую унификацию новых областей со старыми. Среди этих мер центральное место занимала «паспортизация».

В СССР выдача удостоверений личности (паспортов), а также прописка граждан по месту жительства, введенные

¹ До сентября 1939 г. Советский Союз по численности еврейского населения занимал второе место в мире после Польши [Ветроград 2013, 10], а после сентября 1939 г. — очевидно, первое.

во второй половине 1920-х — начале 1930-х гг., являлись инструментом контроля миграции и носили разрешительный характер. В 1940 г. эта практика была распространена на присоединенные территории: в западных областях БССР и УССР вступило в действие постановление СНК СССР «О выдаче гражданам Союза ССР паспортов на территории СССР» от 28 апреля 1933 г. [ГА РФ, Ф. Р-5446. Оп. 1. Д. 75. Л. 224–227]. Согласно данному распоряжению, жители городов и рабочих поселков были обязаны получить в паспортном столе отдела органов внутренних дел удостоверение личности с регистрацией (пропиской) по месту жительства.

Вместе с тем указанное постановление предполагало и возможность отказа в прописке в режимных городах². Порядок выдачи паспортов с запретом проживания в режимной местности (или, как их называли, паспорта «с ограничением») регламентировал параграф № 11 (далее п. 11) специальной секретной инструкции «О выдаче паспортов». В соответствии с ним, люди, получившие отказ в прописке, были обязаны в 10-дневный срок покинуть режимный город. Там же перечислялись группы граждан, к которым мог быть применен п. 11:

- 1) лица и члены семей, не занятые общественно-полезным трудом;
- 2) кулаки и раскулаченные;
- 3) прибывшие из других городов и сельской местности без приглашения на работу;
- 4) «лишенцы»³;
- 5) бывшие заключенные;
- 6) перебежчики из-за границы [ГА РФ, Ф. Р-5446. Оп. 1. Д. 71. Л. 145–148].

² Режимный город — населенный пункт в СССР, для которого был установлен особый режим проживания, а иногда также въезда и выезда, передвижения жителей по городу, проведения кино- и фотосъемок. Западные области БССР являлись приграничной территорией, где почти все крупные города получили статус режимных.

³ Данная категория граждан официально перестала существовать после принятия новой (так называемой Сталинской) Конституции СССР в 1936 г.

«Паспортизация» в Западной Белоруссии началась весной 1940 г. (например, в Барановичской области первые паспорта были выданы 3 марта 1940 г.). Выдачу удостоверений личности предвещал подготовительный период: учет населения, составление плана выдачи паспортов, отбор из местного населения группы паспортных работников и обучение их на краткосрочных подготовительных курсах в Белостоке, выделение и обустройство помещений для паспортных столов. Даже местные фотографы проходили инструктаж для того, чтобы уметь правильно фотографировать людей «на паспорт», кроме того, им были даны указания, за какую цену продавать фотографии для паспортов. В это время профессия фотографа стала особенно востребованной — уроженка западнобелорусского местечка Ленин Фаня Шульман впоследствии вспоминала, что, работая единственным фотографом в местечке во время проведения «паспортизации», она «неожиданно заработала много денег». Это помогло ей обеспечить родителей, которые утратили свой бизнес после установления советской власти и национализации в 1939 г. [Schulman 1992, 52–53].

подавляющее большинство польского еврейства традиционно проживало в городах и местечках: согласно переписи населения 1931 г., среди 9 000 000 городского населения Польши, 5 500 000 — поляки и 2 400 000 — евреи [Вабищевич 2011, 8]. Более того, до установления советской власти евреи Польши составляли более 70% всех ремесленников и торговцев региона [Levin 1995, 18–21]; среди них было также немало зажиточных владельцев промышленных предприятий, банков, крупных торговых складов и т.п. Таким образом, значительная доля местного еврейского населения была отнесена к так называемой категории «чуждый элемент», что по социальному положению приравнивалось к официально существовавшему ранее статусу «лишенцев». Кроме того, как отмечалось выше, на присоединенной к СССР польской территории осело значительное количество евреев-беженцев. Так, согласно подсчетам НКВД БССР, 5 февраля 1940 г. в пределах всего БССР проживало 72 996 беженцев из Центральной и Западной Польши (65 796 из них — евреи) [Loffe,

Selemenev 1997, 48]. Ясно, однако, что беженцев было еще больше, поскольку не все они регистрировались, а значит, не были учтены. Все эти десятки тысяч беженцев совершенно официально подпадали под категорию «перебежчиков из-за границы», также подлежащую выселению из режимной местности.

Таким образом, во время проведения «паспортизации» в Западной Белоруссии к целому ряду как местных евреев, так и евреев-беженцев был применен п. 11 о запрете проживания в режимном городе. Так, по Барановичской области из режимных городов были удалены 137 семей — в основном беженцы. Кроме того, среди обладателей паспортов с п. 11 оказались местные зажиточные евреи — в прошлом крупные предприниматели: бывший владелец крупного аптечного магазина Яков Давыдович Абрамович, зажиточный торговец и владелец национализированного домовладения Яков Мордухович Флоранс, бывший владелец крупных оптовых складов Тева Яковлевич Циринский и многие другие [ЗГАБар, Ф. 139. Оп. 3. Д. 7. Л. 3–8].

Для большинства людей выселение из города было личной трагедией. Поэтому в Управление милиции Барановичской области поступало множество письменных обращений граждан с просьбой пересмотра дела и выдачи паспорта «без ограничений». Среди них — три заявления учащегося 10 класса средней школы гор. Барановичи Меера Креймана, который вместе с братом в августе 1940 г. бежал из Вильнюса в западные области БССР. Несмотря на слезную мольбу Меера к «начальнику» («Товарищ начальник, войдите в мое положение...») или «Начальник, все зависит от Вас...»), на все три заявления он получил отказ в выдаче паспорта с разрешением проживать в режимном городе, коим являлся гор. Барановичи [ЗГАБар, Ф. 139. Оп. 2. Д. 8. Л. 1–8].

В определенной степени показательной можно назвать историю О.М. Фраумана, который прибыл в Западную Белоруссию как беженец в декабре 1939 г. Проживая у родственников, он устроился работать в Барановичах в слесарно-механические мастерские. Но весной 1940 г. получил паспорт с п. 11, что вынудило его выехать из города. Однако в местеч-

ках и селах Барановичского района О.М. Фрауман работы не нашел. Поэтому вернулся обратно в областной центр и просил разрешить ему там проживать, но получил отказ [ЗГА-Бар, Ф. 144. Оп. 1. Д. 3. Л. 1–6].

Тем не менее, были случаи, когда беженцам, подлежащим выселению, разрешали остаться в режимном городе. Обычно это было связано со специализацией и степенью квалификации человека. В частности ввиду недостатка медицинских работников, многим врачам и фармацевтам было разрешено проживать в режимных городах. Семье Фани Соломян-Лок, хотя они были беженцами, выдали паспорта «без ограничений» потому, что Фаня работала медсестрой в госпитале г. Пинска: «Наши знакомые беженцы завидовали нам, поскольку мы могли жить в районном центре»⁴ — вспоминала она [Solomian-Loc 1981, 41]. Это же касалось учителей, недостатков в которых ощущался с 1939 по 1941 гг. Выпускник Варшавской консерватории, а позже — беженец из Варшавы Израиль Тыневицкий в 1940 г. получил разрешение на проживание в режимном городе Новогрудке по той причине, что он оказался единственным преподавателем скрипки в городской музыкальной школе [ЗГАБар, Ф. 139. Оп. 2. Д. 6. Л. 1–5]. Кроме того, беженцы-писатели, художники и другие представители творческих профессий также получали паспорта «без ограничений», поскольку их таланты могли пригодиться в пропагандистской работе [РГАСПИ, Ф. 17. Оп. 22. Д. 235. Л. 108].

Обжаловать выдачу паспорта «с ограничением» было крайне сложно. В районных прокуратурах на жалобы о неправильной выдаче паспортов с п. 11 обычно стандартно отвечали: «Паспорт Вам выдан правильно». Часы приема жалоб не всегда соблюдались, а рассмотрение принятых заявлений задерживалось на несколько месяцев [РГАСПИ, Ф. 17. Оп. 22.

⁴ В условиях дефицита и безработицы в Западной Белоруссии в 1939–1941 гг. обустройство в крупном городе было вопросом особой важности, связанным с поиском не только работы и жилья, но и в буквальном смысле пропитания и иных жизненно необходимых товаров.

Д. 237. Л. 104]. В то же время нарушение паспортного режима (проживание без прописки) грозило штрафом, принудительным выселением из города и даже депортацией [ЗГАБар, Ф. 139. Оп. 1. Д. 3. Л. 4].

В проведении «паспортизации» не обошлось без злоупотреблений, связанных, как правило, с наличием в присоединенном регионе острого дефицита жилья и нелегальной борьбы за «квадратные метры». «Квартирный вопрос» в Западной Белоруссии в 1939–1941 гг. был обусловлен наплывом беженцев из западных районов, а также советских военных и гражданских служащих с востока⁵. Так, согласно польской статистике, если до сентября 1939 г. в Белостоке проживало 107 650 человек [РГАСПИ, Ф. 17. Оп. 22. Д. 232. Л. 54], то уже в апреле 1940 г. — около 160 000 человек [РГАСПИ, Ф. 17. Оп. 22. Д. 228. Л. 41]. С момента вступления в силу в западных областях вышеупомянутого постановления СНК СССР «О выдаче гражданам Союза ССР паспортов...» отдельные сотрудники советской администрации начали использовать это постановление как возможность присвоить понравившееся жилье. Иными словами, имели место случаи, когда домовладельцам незаконно выдавали паспорт «с ограничением», что вынуждало их покинуть место жительства, а вместе с тем оставить и недвижимое имущество. В освобожденные таким образом дома и квартиры вселялись сотрудники советской администрации и правоохранительных органов. Так, типичным был случай жителя Белостока Вульфа Гольштейна: начальник 3-го отделения милиции Белостока вписал в паспорт Вульфу и его семье п. 11 и предложил немедленно покинуть город на том основании, что Гольштейн якобы являлся директором купеческого банка и жил на «нетрудовые доходы»; в ходе следствия выяснилось, что Вульф Гольштейн действительно работал в этом банке, но бухгалтером, а причиной его выселения стало то, что, как записано в протоколе, «квартира Гольштейна понравилась начальникам 3-го отдела милиции Куриленко и Иванову, которые заняли ее» [НАРБ, Ф. 4П. Оп. 1. Д. 15347. Л. 65]. Схожим был слу-

⁵ Подробнее см. [Карпенкина 2018].

чай жителя Белостока Давидовского: ордер на его квартиру был вручен одному из работников милиции еще до того, как вопрос о внесении в паспорт Давидовского п. 11 был решен [НАРБ, Ф. 4П. Оп. 1. Д. 15347. Л. 68]. Незаконные захваты жилья с помощью необоснованной выдачи домовладельцам паспортов «с ограничением» (что означало неминуемую утрату домовладения) в рассматриваемый период были повсеместно распространены на всей территории Западной Белоруссии. Разумеется, местные евреи, будучи горожанами, непосредственным образом столкнулись с этой проблемой.

Далеко не все бывшие польские граждане желали получать советский паспорт. Житель гор. Барановичи Гарбер, получив бланки заявления на выдачу паспорта, возразил: «У нас есть польские паспорта и будем жить по ним. Зачем я буду сдавать польские документы, когда я собираюсь ехать в Варшаву?» [ЗГАБар, Ф. 139. Оп. 3. Д. 7. Л. 3–8]. Подобное отношение к «паспортизации» было особенно характерно для беженцев, которые, оставив в оккупированной нацистами Польше своих родных, друзей, имущество, зачастую не желали менять польский паспорт на советский, чтобы таким образом не утратить возможность в обозримом будущем вернуться домой. Нередко споры по поводу получения советского паспорта приводили к серьезным раздорам в семьях. Так, беженец Юзаф Б. вспоминал, что в те годы отец не желал получать паспорт Советского Союза, надеясь вернуться на родину в Польшу, между тем старшие дети, напротив, настаивали на получении советских паспортов [Gružeńska-Gross, Gross 1981, 222].

В это же время с марта 1940 г. началась инициированная советской властью регистрация беженцев, желавших вернуться домой в Западную и Центральную Польшу. Недовольные своим материальным положением, а также принуждением к получению советских паспортов «с ограничениями», многие беженцы регистрировались на выезд. Судя по всему, регистрация проходила достаточно стихийно, силами как советских органов госбезопасности, так и наиболее инициативных беженцев [НАРБ, Ф. 4П. Оп. 1. Д. 14728. Л. 110]. Так или иначе, списки желающих выехать из СССР оказались в рас-

поряжении НКВД, и, согласно совершенно секретному постановлению СНК СССР от 10 апреля 1940 г. [ГА РФ, Ф. 9479. Оп. 1. Д. 73. Л. 55], в 20 числа июня 1940 г. по всему присоединенному региону прокатились массовые аресты записавшихся на выезд беженцев с последующей их депортацией в Сибирь. Всего в июне 1940 г. из Западной Белоруссии было депортировано 23 057 беженцев [Толочко 2006, 194]. Этим, однако, история принудительной «паспортизации» польских беженцев не закончилась — она продолжилась на местах их спецпоселений в 1943 г.⁶, однако рассмотрение этого вопроса выходит за хронологические и географические рамки настоящей статьи.

* * *

Таким образом, одной из основных мер, определившей жизненный уклад «западников» как советских граждан, была «паспортизация». Формально ставшим гражданами СССР уже в ноябре 1939 г., местным жителям предстояло весной 1940 г. получить официальный документ, подтверждающий этот статус. Однако «паспортизация» являлась даже не столько мерой по регламентации статуса населения присоединенных территорий, сколько важным методом контроля миграции, «чистки» социального облика приграничных городов и одновременно важным военно-стратегическим мероприятием. Ее существенным социальным последствием стало то, что в результате «паспортизации» тысячи местных жителей получили паспорта с п. 11 (с ограничением проживания в режимном городе) и были вынуждены покинуть места своего жительство. На личном уровне получение паспорта «с ограничением» неминуемо влекло коренные и, очевидно, далеко не всегда положительные изменения в образе жизни.

⁶ Угрозы и аресты, имевшие место в 1943 г. в отношении не желавших получать советские паспорта депортированных польских беженцев, ярко описала в своих воспоминаниях Оля Ватова [Ватова 2014].

От этой меры в немалой степени пострадало проживающее в Западной Белоруссии еврейское население. И если местные евреи получали паспорта с п. 11 как «лица не занятые общественно-полезным трудом» или «лишенцы», то беженцы-евреи считались неблагонадежными «перебежчиками из-за границы». Как полагало советское правительство, от тех и от других необходимо было очистить крупные промышленные города приграничной зоны. При этом в пропорциональном соотношении от выселений по п. 11 в большей степени пострадали именно евреи-беженцы, а не местные западнобелорусские евреи.

В целом реализация «паспортизации» с присущим ей принудительным характером и многочисленными злоупотреблениями — это одна из ярких иллюстраций применения силовых методов в проведении советизации в Восточной Польше после ее присоединения к СССР.

Источники

ГА РФ — Государственный архив Российской Федерации

Ф. Р-5446. Оп. 1. Д. 75. «Постановление СНК ССР № 861 “О выдаче гражданам Союза ССР паспортов на территории СССР”», 1933. Л. 224–227.

Р-5446. Оп. 1. Д. 71. «Инструкция “О выдаче паспортов гражданам Союза ССР г. Москве, Ленинграде и Харкове, в 100-километровой полосе вокруг Москвы и Ленинграда и в 50-километровой полосе вокруг Харькова”», 1933. Л. 145–148.

Ф. 9479. Оп. 1. Д. 73. «Информация и представления в правительственные и партийные органы и переписка с ними», 1941 г. Л. 55.

ЗГБАР — Зональный государственный архив г. Барановичи

Ф. 139. Оп. 3. Д. 7. «Доклады о перестройке оперативной работы и списки следственно-заключенных», 1940. Л. 3–8.

Ф. 139. Оп. 2. Д. 8. «Дело о замене паспорта Крейчману Мееру Борисовичу», 1940 г. Л. 1–8.

Ф. 144. Оп. 1. Д. 3. «Дело о выселении гр. Фраумана О.М. из гор. Барановичи», 1940 г. Л. 1–6.

Ф. 139. Оп. 2. Д. 6. «Дело Тыневицкого Израила Исааковича о выдаче разрешения на проживание в гор. Новогрудке», 1940 г. Л. 1–5.

РГАСПИ — *Российский государственный архив социально-политической истории*

Ф. 17. Оп. 22. Д. 235. «Протоколы №№ 6–14 заседаний бюро Белостокского обкома КП(б)Б с материалами», 1940 г. Л. 108.

Ф. 17. Оп. 22. Д. 237. «Протоколы №№ 25–34 заседаний бюро Белостокского обкома КП(б)Б с материалами», 1940 г. Л. 104.

Ф. 139. Оп. 1. Д. 3. «Постановление о наложении штрафов за нарушение паспортного режима, хулиганство, воровство, спекуляцию и халатное отношение к государственной казне», 1940–1941 г. Л. 4.

Ф. 17. Оп. 22. Д. 232. «Протоколы №№ 1–7 заседаний бюро Белостокского обкома КП(б)Б», 1939–1940 гг. Л. 54.

Ф. 17. Оп. 22. Д. 228. «Доклад Белостокского Областного комитета КП(б) Белоруссии Первой областной конференции КП(б)Б», 1940 г. Л. 41.

НАРБ — *Национальный архив Республики Беларусь*

Ф. 4П. Оп. 1. Д. 15347. «Докладные записки, справки, сведения и другие материалы о состоянии промышленности, ж.д. транспорта, сельского хозяйства Белостокской обл.», 1940. Л. 65, 68.

Ф. 4П. Оп. 1. Д. 14728. «Проекты постановлений ЦК КП(б)Б и СНК БССР, в основном, по Западной Белоруссии и материалы к ним», 1939–1940 гг. Л. 110.

Литература

Вабищевич 2011 – *Вабищевич А.* Западноукраинские и западно-белорусские земли накануне Второй мировой войны // *Западная Белоруссия и Западная Украина в 1939–1941 гг.: люди, события, документы.* СПб., 2011. С. 7–24.

Ватова 2014 – *Ватова О.* Все самое важное. М., 2014.

Карпенкина 2018 – *Карпенкина Я.* «Квартирный вопрос» в Западной Белоруссии и еврейское население, 1939–1940 гг. // *The Soviet and Post-Soviet Review.* 2018. Vol. 45. № 1. P. 73–98.

Толочко 2006 – *Толочко Д.* Еврейские беженцы из Польши в БССР (сентябрь 1939 — июнь 1941 г.) // *Диаспоры. Независимый научный журнал.* 2006. № 1. С. 172–199.

Bauer 2009 – *Bauer Y.* *Death of the Shtetl.* New Heaven, 2009.

Bemporad 2013 – *Bemporad E.* *Becoming Soviet Jew: The Bolshevik Experiment in Minsk.* Bloomington, 2013.

Gruźeńska-Gross, Gross 1981 – *War through Children`s Eyes. The Soviet Occupation of Poland and the Deportations, 1939–1941.* Ed. and

comp. by I. Grużeńska-Gross, J.T. Gross. Stanford University, Stanford, California, 1981.

Ioffe, Selemenev 1997 – *Ioffe E., Selemenev V. Jewish Refugees from Poland in Belorussia, 1939–1940 // Jews in Eastern Europe. Jerusalem: Hebrew University of Jerusalem, 1997. № 1(32). P. 45–60.*

Levin 1995 – *Levin D. The Lesser of Two Evils: Eastern European Jewry Under Soviet Rule, 1939–1941. Philadelphia, 1995.*

Schulman 1992 – *Schulman F. A Partisan's Memoir. Woman of the Holocaust. Toronto, 1992.*

Solomian-Loc 1981 – *Solomian-Loc F. Woman Facing The Gallows. N.Y., 1981.*

“Passportization” of the Jewish Population in Western Belorussia (1940–1941)

Yanina Karpenkina

National Research University Higher School of Economics, ORCID ID: 0000-0002-9906-4340, Moscow, Russia

A Research-Assistant at The International Centre for the History and Sociology of World War II and Its Consequences, HSE; Lecturer at School of Cultural Studies, Faculty of Humanities, HSE: Moscow, 105066, 21/4 Staraya Basmannaya str., building 1, Room Л-415, tel. +7 (495) 772-95-90, E-mail: ykarpenkina@hse.ru

Summary: The article analyzes the “passportization” of the local, primarily Jewish, population of the Polish territories annexed to the USSR, particularly in Western Belorussia in 1940–1941. The Author considers this transformation not only as a measure of unification, but also as an important method of migration control, as well as “purification” of the social image of cities in the “new” border zone. In the focus of the article is the Jewish population. Since the majority of the Jews fitted at the same time to several paragraphs of the secret instructions on the issuance of passports “with restriction” (which in fact meant a ban on residence in the border town), they were particularly affected during the implementation of the “passportization”.

Keywords: “passportization”, Western Belorussia, Jewish population, Eastern Poland, refugees

References:

Bauer Y. *Death of the Shtetl*. New Heaven, 2009.

Bemporad E. *Becoming Soviet Jew: The Bolshevik Experiment in Minsk*. Bloomington, 2013.

Gruzeńska-Gross I., Gross J.T., eds. *War through Children`s Eyes. The Soviet Occupation of Poland and the Deportations, 1939–1941*. Stanford (CA), 1981.

Ioffe E., Selemenev V. *Jewish Refugees from Poland in Belorussia, 1939–1940 // Jews in Eastern Europe*. Jerusalem, 1997. No. 1(32). P. 45–60.

Karpenkina Ya. "Kvartirnyi vopros" v Zapadnoi Belorussii i evreiskoe naselenie, 1939–1940 gg. // *The Soviet and Post-Soviet Review*. 2018. Vol. 45. No. 1. P. 73–98.

Levin D. *The Lesser of Two Evils: Eastern European Jewry Under Soviet Rule, 1939-1941*. Philadelphia, 1995.

Schulman F. *A Partisan's Memoir. Woman of the Holocaust*. Toronto, 1992.

Solomian-Loe F. *Woman Facing The Gallows*. New York, 1981.

Tolochko D. *Evreiskie bezhentsy iz Polshi v BSSR (sentiabr 1939 — iun 1941 g.) // Diaspory. Nezavisimyi nauchnyi zhurnal*. 2006. No. 1. P. 172–199.

Vabishchevich A. *Zapadnoukrainskie i zapadnobeloruskie zemli nakanune Vtoroi mirovoi voiny // Zapadnaia Belorussia i Zapadnaia Ukraina v 1939–1941 gg.: liudi, sobytiia, dokumenty*. St. Petersburg, 2011. P. 7–24.

Vatova O. *Vse samoe vazhnoe*. Moscow, 2014.